

Лу Инь небрежно бросил телефон на кровать.

Дыхание Цзян Бояня было неровным и прерывистым — парень явно находился на грани дикого бешенства. На том конце провода с грохотом полетели стулья, судя по всему, безжалостно сбитые его пинками.

— Кто этот ублюдок? А ну дай ему трубку, живо! — Цзян Боянь шумно, со свистом вдохнул воздух. — Твою мать, не надо было сбрасывать звонок! Лу Инь, блять, только попробуй наставить мне рога! Клянусь, я придушу и тебя, и твоего...

Он запнулся на мгновение, подбирая слово:

—...хахаля!

— Хахаля? — переспросил Лу Инь.

Оставаясь совершенно невозмутимым, он включил громкую связь, взял дразнилку и принялся играть с кошкой. В этот момент Пузырёк мягко соскользнула с его коленей на пол. Лу Инь слегка наклонился и поманил её рукой.

— Иди сюда, не балуй, — мягко позвал он.

— Чего-о?! — Яростный поток обвинений Цзян Бояня мгновенно оборвался. Решив, что Лу Инь обращается к нему, он то бледнел, то багровел от урагана эмоций. Однако этот вкрадчивый, ласковый тон против воли подействовал на него умиротворяюще, хотя парень и поспешил включить привычную защитную грубость: — Тошнит от тебя. Чёртов гей, даже не думай, что сможешь соблазнить меня своим слащавым голоском, я никогда не...

— Пузырёк, — позвал Лу Инь.

Пушистая тряпичная кукла послушно запрыгнула обратно к нему на колени и принялась преданно заглядывать в глаза, непрерывно мяукая. Услышав этот нежный кошачий писк из динамика, Цзян Боянь мгновенно залился густой краской.

— Кошка?

Он невольно затаил дыхание, вслушиваясь в шорохи на том конце линии.

Ему показалось, что он различил тонкий звон крошечного бубенчика на конце палочки.

— Эй! Откуда у тебя кошка?

Это казалось чертовски странным. Ну в самом деле, разве такой человек, как Лу Инь, может в тишине своей комнаты возиться с домашним питомцем?

Цзян Бояня охватило необъяснимое чувство нереальности происходящего. Контраст был слишком ошеломляющим. Он никак не мог представить, какое выражение сейчас на лице Лу Иня — обычно такого холодного и отстранённого. Каким он становится, когда сбрасывает свою ледяную маску?

— Соседская, — небрежно бросил Лу Инь.

Он вскрыл пакетик с жидким лакомством и принялся кормить кошку, оставив телефон лежать на кровати. Цзян Боянь ждал ответа, но, так и не дождавшись, на удивление быстро остыл. В обычной ситуации подобное игнорирование уязвило бы его непомерную гордость до глубины души, ведь он так и не выяснил, с кем говорил Лу Инь.

Однако сейчас он, точно безумец, замер у трубки и целых три минуты слушал, как тот возится с кошкой.

— Блять, — выдохнул Цзян Боянь. Он с силой провёл ладонью по лицу, резко вскочил с кровати и заметался по комнате, пытаясь упорядочить кашу в голове.

«Этот гей чертовски хорошо умеет соблазнять мужчин. И, надо признать, на меня это сработало.»

От этой внезапной мысли у Цзян Бояня похолодело внутри. Он попытался заглушить доносившиеся из динамика тихие кошачьи звуки и произнёс максимально холодным, жёстким тоном:

— Я с тобой разговариваю! И не притворяйся, будто оглох!

Лу Инь наконец-то соизволил ответить:

— Что-то ещё?

Цзян Боянь снова завёлся с пол-оборота:

— Ты до сих пор не ответил на мой вопрос! Кто был тот мужик?

В нём бушевало уязвлённое мужское эго. Даже презирая Лу Иня, он не мог вынести мысли о том, что парень, официально считаясь его «бойфрендом», всю строит глазки кому-то на стороне.

— Младший брат, — лаконично отозвался Лу Инь.

Цзян Боянь ядовито усмехнулся:

— Ты держишь меня за идиота? Думаешь, я не способен отличить его голос от голоса Сун Яна?

— Тогда... сводный брат.

— Что? — Цзян Боянь опешил от такой наглости и даже демонстративно потёр ухо. — Лу Инь, мне прямо безумно интересно: «сводный» — это от слова «сводить» знакомство или «сводить» в постель?

Лу Инь, продолжая дразнить кошку, спокойно ответил:

— Первое.

— Да ни хера я не верю! — рявкнул Цзян Боянь. — Прав был Сун Ян, когда говорил, что ты без мужиков жить не можешь! Признайся уже, ты же просто обычная...

Он осёкся на полуслове, сообразив, что сболтнул лишнего и едва не сдал Сун Яна с потрохами.

Сделав глубокий вдох, чтобы вернуть самообладание, Цзян Боянь процедил сквозь зубы:

— Срать с тобой дальше у меня нет желания. Но советую тебе вести себя прилично. Лу Инь, я брезглив в отношениях. Если ты посмеешь изменить мне за моей спиной, я сделаю так, что в Цинхэ тебе житья не будет.

— «Брезглив в отношениях», — с нескрываемой иронией повторил Лу Инь. Этот напыщенный оборот заставил его усмехнуться. — Надо же, звучит как дешёвый анекдот. Но послушай, Цзян Боянь, прежде чем устанавливать для меня рамки, тебе самому не мешало бы держаться подальше от Сун Яна. Мне очень не хочется, чтобы наша маленькая игра в итоге превратилась в дешёвую мыльную оперу.

От ярости у Цзян Бояня кровь хлынула к лицу:

— Лу Инь!

Собственная уязвимость и глухое чувство вины делали его крик ещё более свирепым:

— Следи за собой, понял?! Иначе...

— Иначе ты меня придушишь? — негромко рассмеялся Лу Инь. — Твой арсенал угроз до смешного однообразен. Знаешь, порой мне кажется, что у тебя явные проблемы с агрессией.

И прежде чем Цзян Боянь успел выплюнуть очередную колкость, Лу Инь просто нажал кнопку отбоя.

Цзян Боянь упрямо набирал его номер снова и снова, но в трубке раздавались лишь длинные, издевательские гудки. Накопившейся ярости требовался выход; у парня буквально темнело в глазах от бессильной злости. И в этот самый момент экран телефона высветил входящий от Сун Яна.

Сун Ян, пережив унижение от Фу Наньши, лишился остатков гордости. Пойти наперекор столь могущественному человеку он не посмел, но, вернувшись к себе, кипел от досады и теперь звонил Цзян Бояню в надежде получить хоть немного сочувствия и поддержки.

— Брат Наньши... ну, у него просто такой характер, он всегда резкий, — выдавил Цзян Боянь. Он изо всех сил пытался замять бушевавшее в нём после разговора с Лу Инем раздражение, но глухое недовольство всё равно сквозило в его голосе. — Да не злитесь вы на меня, честно. Вы ведь даже не были знакомы, с чего бы ему строить против вас козни? Вам не за что извиняться перед ним. Не переживайте, я сам поговорю с ним и всё объясню.

Боянь цедил слова на автомате, совершенно не вникая в суть. Пожалуй, он впервые ловил себя на столь отчётливом нетерпении по отношению к Сун Яну. С трудом выдавив пару дежурных фраз поддержки, он уже собирался попрощаться, как вдруг в голове что-то щёлкнуло. Притворившись праздным зевакой, он спросил:

— Погоди-ка. Слушай, а ты ведь говорил как-то... у Лу Иня правда раньше было полно парней?

Сун Ян, которого и так всё раздражало, недовольно фыркнул:

— С чего вдруг ты о нём вспомнил?

— Да так... услышал краем уха пару сплетен. Чистое любопытство.

— Ну, наверное, да, — в трубке повисла короткая пауза, после чего Сун Ян продолжил: — Не смотри, что он вечно молчит как сыч, на самом деле он тот ещё манипулятор и оболстатель. Я тебе, кажется, не рассказывал... Отец как-то говорил, что его ещё в детском саду мальчишки пытались потихоньку поцеловать.

Цзян Боянь, как раз делавший глоток воды, поперхнулся и брызнул во все стороны, согнувшись в приступе надсадного кашля.

— Эй, ты чего? — заволновался Сун Ян.

— Водой... поперхнулся, — выдавил Цзян Боянь, спешно вытягивая из пачки салфетку, чтобы вытереть подбородок и стол. — Рассказывай дальше, я слушаю.

Сун Ян не скрывал своего глубокого пренебрежения:

— Он, походу, с рождения по мальчикам. Вообще не понимаю, какого хрена те придурки из-за него махались в кровь.

Упомянутый «придурок» мгновенно помрачнел и грубо оборвал собеседника:

— Давай ближе к делу! Не тяни кота за хвост!

Сун Ян, и без того взвинченный выходкой Фу Наньши, от такой грубости окончательно потерял терпение и огрызнулся:

— Да я только начал! Цзян Боянь, ты с утра говна нажрался, что ли? Чего ты лаешь на меня?

— Блять, да ты сам больной наглухо!

К глубокому изумлению Сун Яна, Цзян Боянь буквально выплюнул эти слова сквозь плотно сжатые зубы.

Боянь не просто обругал его, а с силой ткнул в экран, сбрасывая вызов. Телефон снова полетел на кровать, а парень уставился на мгновенно погасший дисплей тяжёлым, мрачным взглядом.

Спустя минуту он процедил сквозь зубы:

— Какое мне вообще до него дело?

Но эта мысль ничуть не уняла бушевавший внутри пожар. Цзян Боянь с силой сжал кулаки:

— Да мне насрать по горло! Пусть хоть затрахается насмерть с кем угодно, я даже пальцем не шевельну, чтобы его похоронить. Он мне никто, не настоящая жена, с какой стати я должен забивать себе этим голову?

— В конце концов, я просто играю с ним.

— Всего лишь игра.

Он упрямо твердил себе эти слова, но его лицо оставалось чернее грозовой тучи. Цзян Боянь

никак не мог взять в толк, почему на душе у него так паршиво.

В понедельник пары стояли и в первой, и во второй половине дня. В обеденный перерыв Лу Инь вернулся в общежитие, чтобы немного отдохнуть, и в коридоре наткнулся на Цзян Бояня — они жили на одном этаже. Рядом с ним стоял Сун Ян, который что-то тихо и заискивающе ему рассказывал.

После вчерашнего резкого отпора от Бояня Сун Ян провёл ужасную, бессонную ночь, изнывая от тревоги. Пока Цзян Боянь носил его на руках, Сун Ян мог позволить себе любые капризы, но он прекрасно отдавал себе отчёт: его положение в их элитном кругу целиком и полностью держалось на благосклонности и защите наследника семьи Цзян.

Поэтому сегодня он решил сделать первый шаг к примирению — поступок для него невиданный, ведь прежде Боянь всегда потакал любым его причудам.

Цзян Боянь поначалу слушал его вполуха, лениво кивая, как вдруг резко умолк. Сун Ян проследил за его взглядом и увидел приближающегося Лу Иня. Он тут же закрыл рот, не желая показывать сопернику свою уязвимость и заискивающий вид.

Лу Инь поравнялся с ними, слегка склонив голову набок.

Цзян Боянь, глядя на это холодное, безучастное лицо, до скрежета сжал зубы. Их взгляды скрестились в воздухе, ведя безмолвную войну, и вдруг губы Бояня дрогнули в вызывающей, многозначительной усмешке.

Прямо на глазах у Лу Иня он сделал стремительный шаг вперёд, бесцеремонно притянул Сун Яна за талию и прижал его спиной к стене. Склонившись к самому его лицу, Боянь замер в паре сантиметров от его губ, имитируя страстный поцелуй.

Почувствовав чужое горячее дыхание так близко, Сун Ян в ужасе распахнул глаза.

— Боянь-гэ? — испуганно прошептал он.

— Не дергайся и рот закрой! — грубо приказал Цзян Боянь, перехватывая его руки и не давая шевельнуться. Его слова дышали злостью, но взгляд из-под полуприкрытых век был устремлён исключительно на удаляющуюся спину Лу Иня.

Лу Инь же прошёл мимо этой сцены с таким видом, словно перед ним пустое место. Он спокойно достал из кармана ключи, вставил в замочную скважину, повернул и зашёл к себе. Дверь за ним мягко захлопнулась, вернув коридору прежнюю глухую тишину.

Цзян Боянь шумно выдохнул и резко, почти брезгливо оттолкнул Сун Яна.

«Сука...» — Боянь со стоном зажал ладонью лоб, окончательно перестав понимать собственные мотивы.

Рядом с непоколебимым спокойствием Лу Иня его собственное поведение выглядело дешёвым, ребяческим фарсом.

Сун Ян растерянно поправил одежду, его взгляд так и метался от Бояня к закрытой двери.

— Гэ, что это сейчас было?

— Забудь, ничего, — раздражённо отмахнулся Цзян Боянь.

Он скользнул по лицу Сун Яна равнодушным, оценивающим взглядом и впервые поймал себя на мысли, что внешность того до крайности заурядна. Да и пресловутая утончённость, о которой все вокруг твердили, куда-то испарилась — особенно если поставить его рядом с Лу Инем.

— Просто показалось, что ты в последнее время раскабанел. Решил приглядеться.

У Сун Яна от такой прямоты едва челюсть не отвисла, а натянутая улыбка грозила вот-вот треснуть:

— Ну у тебя и шуточки. Я вообще-то планирую стать актёром и строго слежу за весом.

— Говорю тебе, растолстел. Я пока ещё из ума не выжил и всё прекрасно вижу, — припечатал Цзян Боянь.

Его взгляд оставался колючим, а тон — откровенно враждебным. Не желая усугублять положение и доводить до новой ссоры, Сун Ян покорно замолчал и робко потянул его за край куртки.

На этот раз Боянь не стал вырываться.

Сун Ян тут же воспользовался моментом и заискивающе заглянул ему в глаза:

— Ладно тебе, ну прости. Я был не прав, зря начал с тобой спорить. Давай мириться, гэ?

Цзян Боянь смерил его долгим, нечитаемым взглядом и наконец процедил:

— Ладно. Пошли обедать.

Это был долгожданный белый флаг.

Пока они шли к лестнице, Цзян Боянь лениво размышлял о том, что, как ни крути, Сун Ян спас ему жизнь в детстве и оставался его близким другом. Он просто не мог вычеркнуть его из своей жизни из-за минутной вспышки раздражения.

Когда вечерние занятия подошли к концу, Лу Инь взял приготовленный заранее подарок и отправился в Поместье Синего Озера. Накануне Тань Мо передал ему, что старый генеральный директор Тань Чжаого хочет обсудить с ним некое важное дело, касающееся Сун Хайнина.

О самом Тань Чжаого у Лу Иня осталось крайне мало воспоминаний. В детстве тот вечно пропадал на работе, и они пересекались лишь мельком; в памяти запечатлелся лишь образ сурового, немногословного мужчины.

В прошлой жизни внезапная гибель Тань Мо подкосила этого прежде крепкого духом и телом старика. Не выдержав удара судьбы, он тяжело заболел и вскоре угас от тоски.

После его смерти бразды правления огромной империей Тань легли на плечи Тань Сыли. Потеря близких измотала его настолько, что при последней их встрече Лу Инь с трудом узнал в нём прежнего уверенного в себе, полного энергии человека.

Когда Лу Инь прибыл в Поместье Синего Озера, Тань Чжаого всё ещё был занят приёмом гостей.

В этот же момент из школы вернулся Тань Мо. Личный водитель высадил его у входа, и юноши столкнулись прямо в вестибюле. Поскольку до аудиенции со старейшиной оставалось время, Тань Мо предложил скоротать его за небольшой экскурсией и в первую очередь повёл гостя в свою личную комнату коллекций.

Эту загородную усадьбу Тань Чжаого приобрёл с мыслью о спокойной старости, так что все вещи Тань Мо появились здесь сравнительно недавно. Вернувшись из-за границы, он перевёз сюда лишь малую часть своего собрания, которая теперь красовалась на многочисленных витринах.

Сам Тань Мо питал глубокую страсть к фотографии и годами скупал уникальные пейзажные снимки со всего мира. Помимо этого, его коллекция ломилась от редчайших артефактов самых разных эпох и направлений, а её общая стоимость не поддавалась исчислению.

Пройдя глубже в комнату, Лу Инь за приметил на одной из стен несколько гоночных комбинезонов. Он вспомнил, что Тань Мо отличался разносторонними увлечениями и питал особую слабость к спортивным мотоциклам.

Один из костюмов — винтажный, с контрастными полосами — выглядел невероятно стильно.

Тань Мо обладал безупречным телосложением профессиональной модели, и в этой экипировке он, должно быть, смотрелся сногшибательно.

— Понравился? — заметив его интерес, негромко спросил Тань Мо.

Лу Инь скользнул взглядом по кожаным нашивкам и спокойно отвернулся:

— Да так, подумал об одном нюансе.

— О каком же?

— Спортивная посадка на таких байках сильно нагружает поясницу. — Лу Инь медленно опустил взгляд чуть ниже. — Твоя поясница в порядке?

<http://bllate.org/book/20470/2130789>